

Язык и динамическая картина мира : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 7-8 апреля 2017 г. / Минск. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: О. А. Полетаева (отв. ред.) [и др.] – Минск, 2018. – С. 28–32.

Гурская Ю.А. (Минск, Беларусь)

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДНОМ ХАРАКТЕРЕ БЕЛОРУССКОЙ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В трудах С.М. Прохоровой особое место занимает теория языковой непрерывности, которая, согласно исследователю, соотносится с идеей переходности, подразумевающей невозможность проведения точных границ между языками. Переходность С.М. Прохорова понимает как поле одного языкового явления, где «центр поля характеризуется неосознанным билингвизмом носителей говоров по отношению к определенному языковому явлению» [11, с. 4]. На синтаксическом уровне в белорусском ареале С. М. Прохорова выделила три среза переходности – западно-восточнославянский, прежде всего польско-белорусско-украинский, русско-белорусский, а также балто-славянский срезы [11, с. 4]. Данные положения были подтверждены на диалектном материале [7, 10].

На наш взгляд, термин переходности можно применить по отношению к антропонимическим системам родственных языков, формирование которых происходило в условиях многовекового постоянного контакта, ср. [13, с. 88–93]. При этом понятие переходная АС (антропонимическая система) по аналогии с понятием языковая переходность свидетельствует о своеобразии данной системы, а не упраздняет и не размывает ее самостоятельность [1, с. 419].

То, что белорусская АС характеризуется большой неоднородностью и ярким своеобразием отметили многие исследователи. Так, Б. Унбегаун указывал, что в результате разностороннего влияния на белорусскую антропонию польской, русской, украинской и литовской фамильных систем «белорусские фамилии представляют собой довольно *эkleктическую и разнообразную систему*, которая еще менее последовательна, чем система русских или даже украинских фамилий» [12, с. 227] (*выделено нами – Ю. Г.*). Вопрос о сходстве смоленских и белорусских фамилий поднимается в работах И. А. Королевой [8; 9]. На сходные черты АС белорусско-польского пограничья указывали польские ученые З. Абрамович, Л. Титко, Л. Дацевич и др.

В белорусском ареале нами выявлено три диахронических среза переходности АС – *балто-славянский, западно-восточнославянский и восточнославянский (белорусский и белорусско-украинский)*. Данные срезы отчасти коррелируют с выводами С. М. Прохоровой о переходном характере белорусской территории на синтаксическом уровне [11]. В то же время переходность АС имеет свою специфику.

Переходное положение белорусской АС между западнославянскими и восточнославянскими отражено в продуктивности структурных типов

фамилий, в частности, в почти пропорциональном соотношении в белорусском ареале оттопонимического типа на *-скі/-цкі* (9,87 %) и патронимического на *-овіч/-евіч, -іч/ыч* (8,32 %) [4, с. 29-48]. Первый тип доминировал в высших слоях в западнославянских АС (Польша, Чехия), второй – в восточнославянских и южнославянских [4, с. 16–59]. В XVII–XIX вв. продуктивность патронимического типа в бел. ареале существенно возрастает за счет увеличения ф. на *-оў/-аў/-еў* (19,5 %), *-ін/-ын* (6 %) на белорусско-русско-украинском пограничье в связи с изменением белорусских, украинских фамилий с *-ович/-ич* на *-ов/-ев* в Московском государстве [3, с. 29–52].

Западно-восточнославянский, в частности, *польско-белорусско-украинский срез* представлен древними шляхетскими фамилиями с типичным для польской антропонимии суфф. *-скі/-цкі*. Несмотря на то что фамилии на *-ский* известны всем славянским АС, данный тип наиболее распространен в западнославянских языках [4, с. 26]. В Польше фамилии на *-ский* составляют 32 %, что связано с социально-экономическими факторами. В белорусском и украинском языках фамилии на *-ский* расширили сферу употребления под влиянием польской АС: в белорусском языке они составляют 10,5 % [3, с. 53]; в украинском занимают по продуктивности первое место, составляя 16,54 % от всего корпуса фамилий [4, с. 17]. Фамилии на *-ский/-цкий* представлены также в фамиликоне смоленской шляхты, где они занимают первое место среди всех структурных типов [234, с. 52].

Фамильный тип на *-ович/-евич*, который является наиболее типичным среди восточно-славянских языков для белорусской АС, находит продолжение в польском и украинском ареалах, составляя одну из двух наиболее продуктивных форм максимального распространения в славянских языках [4, с. 32]. В польском языке данные фамилии, видимо, появились под влиянием белорусской и украинской систем. На территории Белосточчины в XV–XVII вв. отмечено колебание форм фамилий на *-owicz/-* и вост.-слав. на *-owicz*; польск. *r, g* и вост.-слав. *r, h*: *Andr(z)ejowicz/Andr(z)ejewicz*; *Bohdanowicz/Bogdanowicz, Bondar/Bundar(z), Bos(z)kowicz(z), Cimoszewicz(z), Czobotar(z), Gowien/Howejn, Hryszkowicz(z), Lachowicz(z)* и др., что свидетельствует о переходности АС польско-восточнославянского пограничья.

Фамилии лексико-семантического способа образования составляют в белорусской антропонимии 25 % от всех фамилий [3, с. 50-51]. Такой тип широко представлен в украинском, польском и западноевропейских языках.

Западно-восточнославянский срез выявляется также на уровне антропонимической лексики. Специфика белорусского ареала, как уже отмечалось, состоит в функционировании антропонимов двух АС – православной и католической, что обусловило практически пропорциональное соотношение фамилий от двух форм одного из самых частотных православных и католических имен на исследуемой территории: *Иван* – 61 ед.; *Ян* – 53 ед.

Западно-восточнославянский срез переходности выявляется также в глубокой исторической общности фамильной системы шляхетского сословия

Польши, Беларуси, Украины и смоленской шляхты, что является отражением культурно-языковой непрерывности в передаче данного типа фамилий [8, с. 52]. Значительная часть фамилий шляхетского сословия белорусского приграничья находит продолжение на территории с польской стороны границы. Многие из этих фамилий репрезентируют общие древние роды ВКЛ, которые в силу исторических условий в настоящее время оказались по разные стороны границы, [5, с. 321].

В рамках *восточнославянского среза* на территории восточного пограничья ярко представлен *русско-белорусский срез* в силу переходного характера белорусских северо-восточных говоров. Наиболее продуктивной в белорусских фамилиях является модель на *-ов/-ев*, составляющая отличительную особенность общерусской АС [3, с. 29-48]. Данный тип фамилий является более поздним образованием, принятым крестьянством преимущественно в XVIII–XIX вв. и свидетельствующим о тесном взаимодействии антропонимии восточной части белорусского ареала с русской АС.

В памятниках XVI–XVIII вв. белорусско-русского пограничья отмечаются примеры колебаний и непоследовательностей в употреблении фамилий, свидетельствующих о переходном характере АС на разных уровнях языка. Так, в области фонетики (вокализма) отмечены параллельные формы, употребленные одним и тем же писцом, отражающие колебания в аканье-яканье: *Яроним // Героним* 1650 [6, 28, с. 111]; *Дзяняк // Дзеняк* 1746 [6, 30, с. 290, 294]; *Голопуза* 1679 [6, 1, с. 9] // *Галупуза* 1690 [6, 7, 17]; *Kożemiaczyn // Kożemіaka* 1614 [6, 28, с. 163, 169]; местности *Сапрыновское*, пан ... *Сапрыновскій // на им. Сапроновичы* [с. 28, с. 119].

В области консонантизма отмечаются примеры, отражающие: колебания в употреблении *р* мягкого и *р* твердого: *Григоря // Григора* 1666 [6, 28, с. 122–123]; *Бондаря* 1679 [6, 1, с. 10] // *Бондара* 1690 [6, 7, с. 178]; *Грябенчык // Грабенчык* 1746 [6, 30, с. 222]; *Крыштоф // Криштоф* 1614 [6, 28, с. 158, 178]; *Крычовский // Кричевском* 1666 [6, 28, с. 115–116]; чередование *ч* мягкого и *ч* твердого: *Качарга // Качарга* 1746 [6, 30, с. 314] (ср. предыдущий пример); смешение аффрикат *ч/ш*: *Szapka Chotolski* 1645 // *Чанки-Хотольскаго* 1645 [6, 28, с. 97]; *Павел Харжевьски // Paweł Charczewski* 1645 [6, 28, с. 100–101]; замена *ф* через *х*, *хв* и *п*: *Chodor // Chwiedzia; Fedora у Chodora* 1614 [6, 28, с. 159, 163]; *Филип* 1623 [6, 23, с. 399] // *Пилип* 1635 [6, 9, с. 218]; чередование аффрикат *дзь/ць* и твердых согласных *д*, *т*: *Ходкевич* 1614 [6, 28, с. 178] // *Ходкевичом* 1647 [6, 28, с. 108]; *Девуля шубник Дзевуля* 1695 [6, 10, с. 34]; смешение *в* и *у* перед согласными: *Наурыло // Hawryło* 1614 [6, 28, с. 174–175]; наличие и отсутствие в интервокального: *Леон Слижык // Лявон Слижык* 1746 [6, 30, с. 304, 317]; чередование *г* фрикативного и *г* взрывного (о *г* фрикативном, видимо, свидетельствует написание *х* на месте *г* и *г* вместо *х*): *Дзехцяр* [6, вып. 28, с. 165] // *Дзехцяр* [6, 24, с. 366].

На уровне словообразования отмечены колебания суффиксов *-ович/-ов*: *Млинниковичу / Млинников* 1580 [2, 38, с. 523, 589]; *-ич/-ин*: *Сидора Ермолинча Прялинича // Сидор Ермолинич Прялинин* 158 [2, 38, с. 536]. Отмечается

колебание форм фамилий, образованных от прилагательных: *Коротки* 1717 [6, 24, с. 191] // *Короткий* 1730 [6, 2, с. 347].

Продолжительное соседство и сосуществование русских и белорусских говоров обеспечивает постоянное взаимодействие их словарного состава, что находит также отражение в значительном количестве фамилий с диалектными основами, общими для смоленских и белорусских говоров (а часто и для белорусского литературного языка), на что уже обращали внимание исследователи [9, с. 68-69].

Белорусско-украинский срез также выявляется на разных уровнях АС. На фонетическом уровне в памятниках представлены примеры параллельного написания фамилий с гласными *ы* (< в укр. орфографии *и*) // *и*: *Радывил* // *Радзивилл* [6, 28, с. 230]; *Будылы* 1692 [6, 9, с. 2] // *Будиле* [6, 2, с. 179].

С точки зрения словообразования на территории пограничья отмечены фамилии от сложных слов, образованные по модели: *глагол императив + существительное в им.п.*, которые являются характерной чертой украинской АС. Зафиксирован также фамильный тип на *-енко* (*-анко*, *-энко*), который считается типичным для украинской антропонимии, где он занимает по продуктивности первое место и отличается непрерывностью распространения на всей территории [4, с. 52]. Ядро его максимальной продуктивности в Беларуси, по данным Н.В. Бирилло, находится на белорусско-русском пограничье, в зоне Витебска, где фамилии на *-енко* составляют более 50 % [4, с. 52].

На уровне словообразования переходность территории белорусско-русско-украинского пограничья отражена в колебании суффиксов *-енко/-ович* в одной и той же антропооснове, нередко при наименовании одного и того же лица: *Гришка Микуленка* // *Гришко Микулович* 1579–1580 [2, 38, с. 43, 260]; суффиксов *-енко/-онко/-ов*: *Артем Поненко* // *Артем Поненак* // *Поненков* 1579–1580 [2, 38, с. 68, 458].

Балто-славянский срез переходности наиболее ярко и разнообразно представлен в белорусском ареале, где отмечены фамильные типы: *-ойць/-айць* (*-оец*) < лит. *-aitis*; *-ейка* < лит. *-eika*, *-eikis*, *-ейша* < лит. *-eišis*, *-eiša*; *-ан/-ян* < лит. *-onis*; *-еня* < лит. *-ėnas*, *-enis*, *-ienis*; *-ун* < лит. *-ūnas*, *-аль/-оль* < лит. *-alas*, *-elis*; *-айла/-оль/-ела/-и* (*ы*)*ла* < лит. *-elis*; *-уль* < лит. *-ulis*, *-уць* < лит. *-utis*. В белорусском ареале широко представлены также фамилии, образованные от древних балтийских двучленных имен. В белорусском ареале нами выявлено наибольшее число антропонимических балтизмов в отношении соседних славянских территорий [5, с. 162-180].

О сложных конвергентных процессах свидетельствуют примеры «смешанного» происхождения фамилий как результата многовекового совместного развития АС родственных языков, что отражено в невозможности в некоторых случаях на пограничных территориях точно определить, какой из языков послужил источником образования антропонима.

Таким образом, ареально-типологический анализ белорусской АС позволяет ее квалифицировать как переходную, имеющую незамкнутый характер в рамках русско-белорусского, западно-восточнославянского и балто-славянского антропонимического континуума. Общность антропонимических

систем Беларуси, Украины, Польши и Литвы, а также Смоленщины, обусловлено сходством исторических судеб территорий, вхождением в состав одних и тех же государственных объединений.

Литература

1. Абаев, В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада / В.И. Абаев. – М. : Наука, 1965.
2. Акты, издаваемые Археографической комиссией для разбора древних актов: в 39 т.– Т. 1; 5; 7; 14; 17; 21; 28; 29; 38; 39. – Вильна : Тип. А. К. Киркора, 1865–1915.
3. Бірыла, М. В. Беларускія антрапанімічныя назвы ў іх адносінах да антрапанімічных назваў іншых славянскіх моў (рускай, украінскай, польскай) / М.В. Бірыла. – Мінск : Выд-ва Акад. навук БССР, 1963. (V Міжнародны з'езд славістаў. Доклады).
4. Бірыла, М. В. Тыпалогія і геаграфія славянскіх прозвішчаў / М.В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1988. (X Міжнар. з'езд славістаў. Доклады).
5. Гурская, Ю.А. Становление антропонимической системы на полиэтнической территории (на материале белорусского ареала)/ Ю.А. Гурская. – Минск: Право и экономика, 2010.
6. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске: в 32 вып. / Центр. архив древ. актовых книг Витеб. и Могилев. губернии.– Вып. 1–30. – Витебск, 1871–1906.
7. Кожурина, Т. А. Могилевские говоры как переходные русско-белорусские (белорусско-русские) говоры / Т.А. Кожурина // Весн. Магіл. дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. – Магілёў : МГУ, 1999. – № 2–3 (3).
8. Королева, И. А. Словарь фамилий Смоленского края / И.А. Королева. – Смоленск : СГПУ, 2006.
9. Королева, И.А. Смоленские и белорусские фамилии с диалектными основами // Материалы международного научного семинара, посвященного памяти О.В. Озаровского: Тезисы. Могилев, 27-28 февраля 1996 г. – Могилев: МогГУ им. А.А. Кулешова, 1996.
10. Полетаева, О. А. Принципы составления регионального синтаксического атласа: переходная русско-белорусская языковая зона (Витебщина – Смоленщина) : автореф. дисс... канд. филол. наук : 10.02.01; 10.02.19 / О. А. Полетаева. – Калининград, 2003.
11. Прохорова, С. М. О переходном характере белорусского синтаксиса / С. М. Прохорова. – Минск : БГУ, 1998. (XII Междунар. съезде славистов. Доклады).
12. Унбегаун, Б. О. Русские фамилии : пер. с англ.; общ. ред. Б. А. Успенского / Б.О. Унбегаун. – М. : Прогресс, 1989.

13. Dacewicz, L. Obce czy rodzime? W kwestii nazewnictwa na pograniczu polsko-wschodniosłowiańskim / L. Dacewicz // Studia Sławistyczne 1. Nazewnictwo na pograniczach etniczno-językowych. – Białystok, 1999.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ